

Месяц Вагнер

20.06.02

«Let ma people go...»

Месяц: новые горизонты интернационального абсурда

Независимая — 2002 — 20 июня — с. 2

Санджар Янышев

Вадим Месяц. Лечение электричеством: Роман из 84 фрагментов Востока и 73 фрагментов Запада. — М.: ТЕРРА, 2002, 320 с.

...Звучит в машине Луи Армстронг — и было ли кому-нибудь когда-нибудь важно, что так, оказывается, Моисей обращается к Фараону, что песня эта посвящена Исходу евреев из Египта, а не, скажем, добитловскому поколению любителей текилы и Гершвина в исполнении, положим, Цфасмана?!

Роман-джаз, написанный известным поэтом, а теперь вот романистом Вадимом Месяцем, — мелодраматическая ностальгия по... чему? — об этом позже, сейчас о другом. Роман исполнен суровых будней любви, однако мелоса в нем столь же мало, сколь и драмы — в привычном, «русском» понимании этих слов («О Русь, ты уже за холмом!»)... И дело не только в том, что героем является Америка Нерусская (нееврейская, неголландская, не пуэрто-риканская — потому что и еврейская, и пуэрто-риканская, и русская...). Месяц отказывает своим персонажам (и читателям) не только в «теплоте», но и в линейности: мы становимся свидетелями сюжетных нитей, которые зачастую обрываются, едва начавшись, и слушателями странных диалогов, которые на самом деле — сумма бредовых (потому что — вслух!) монологов:

«— Я на прошлой свадьбе трахнула жениха, — сказала Лизонька мечтательно. — Он взял замуж мою подругу, надо было сказать «привет» хоть таким об-

Алло! У вас лечат электричеством? Рой Лихтенштейн. Обнаженная с желтым цветком (фрагмент).

разом. Хорошая девушка, как с картинки.

— Медузы похожи на битое стекло, да?»

Весь этот «разговорный шум» — как бы самопроизвольная энтропия, абсурд, начавшийся не при нас и не нами завершившийся. Роман живет своей собственной жизнью —

отдельной от жизни читателя. Он увлекает видимой горячностью, но не вовлекает как ладно сбитый детектив. Автор несколько раз дразнит нас возможным саспенсом: героя, стареющего модного фотографа, арестовывают — в багажнике его фургона найдены два трупа, оказавшиеся «ножками» Горба-

чева и Буша. С ними можно обниматься и фотографироваться — бомба в их животе не зашита. Детектив «обламывается» — интерес автора не в этом. При всей чувственной и лексической откровенности «Лечения...» главное происходит не в кадре. Чувства изношены, сердца покрыты коростой, им нужен электрический шок. Шока не происходит. Свой заряд автор пропускает по самому краешку — сознания, памяти, речи. Когда персонажи беснуются, автор сдержан, чтоб не сказать — холоден. Будучи поэтом, он тщательно подбирает выражения. Герои во всем ищут свою собственную трагедию, однако спасение приходит с другой стороны. Роман кончается бомбардировкой Нью-Йорка.

Холод берет начало уже в названии, где звук «ч» дважды клацает, подобно затвору, тяжелым железом — блики оптического прицела разлетаются во все концы фрагментарного повествования. Их неровное свечение и скрепляет различные пласты романа, который не имеет, в сущности, иной фабулы, кроме беспробудного алкоголизма на заре нового года, века, миллениума. О чем он, этот алкоголизм? Ведь это русский алкоголизм (я не сказал, что герои — эмигранты из России?), он непременно должен быть о чем-то. Тоска по родине? по женщине? по детству? по Другому Месту?

Андрей Грабор и его любовь Лиза Толстая пробуют тосковать и по тому, и по другому, и по третьему... Они едут на кладбище, чтоб посадить шиповник на могиле едва знакомого им

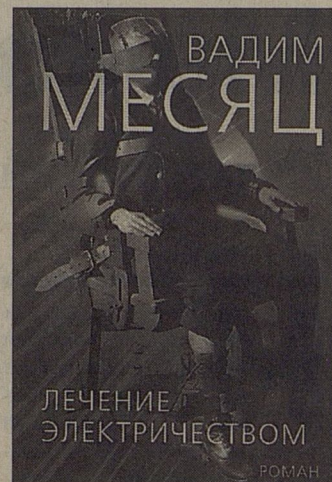
человека; занимаются любовью везде, где застает их автор; чуть было не уезжают на помощь братьям-славянам во время американской бомбежки Югославии — а могли бы сдурить окатиться и в России... Они живут за гранью законов какого бы то ни было общества: «Поскальзываясь на известии испражнений, наступая на руки спящих в ночных парках бичуг, танцуя с метлой в руках в Китайском городе и мексиканцами среди мусорных баков, мы получаем неслыханный опыт освобождения. Ведь нас интересуют только собственные, полностью отработанные трагедии».

В поисках юродства как безродства Месяц забрасывает своих персонажей, словно десантников, на чужую территорию. Кажется, что-то происходит с самим составом их крови. В русской литературе это — новая генерация, для которой не существует прежде всего границ национальных. Дело не только в языке; это сказалось и на природе бытующего в романе абсурда.

Ведь вот еще какой вопрос: имеет ли абсурд национальность?..

«Встретились немец, китаец и русский...» Таков зачин целого семейства анекдотов, призванных из предлагаемых обстоятельств выжать национальную логику поведения. Запертые в пустой изолированной комнате — без окон и мебели — наедине с двумя металлическими шариками, герои анекдота поступают с ними в соответствии со своей генетической самобытностью (или «ограниченностью»): скажем, немец изобретает перпету-

ум мобиле, китаец с помощью шариков открывает энергию «ци»; русский же ухищряется один шарик сломать, другой — потерять... А ведь непредсказуе-

мость этого третьего персонажа сама по себе вполне предсказуема, в ней есть своя деревянная логика, как в ерофеевских рассуждениях о природе икоты... Грубо говоря, это и есть абсурд по-русски.

Особняком стоят в романе сцены из далекого сибирского прошлого — воспоминания бабушки Грабора о 20–30-х гг. XX века: замужество, нищенский быт, арест мужа. Эти фрагменты плохо рифмуются с современной частью романа — именно в силу космополитичности Грабора. Остается гадать, что же это за такой голос крови, откликающийся на зов предков. Возможно, единственная точка соприкосновения двух временных планов — сам автор. Ведь именно в этих фрагментах, имитирующих живую речь полуграмотной прабабки, пробиваются ростки подлинного тепла. ●